

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ,

*председатель Конгресса петербургской интеллигенции,
директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент
Российской Академии наук, доктор исторических наук*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Дорогие коллеги, для меня большая честь сегодня выступать на этом заседании и начинать разговор о диалоге культур, поскольку это такая большая тема, завещанная Дмитрием Сергеевичем. Это продолжение уже совершенно в новых условиях того, что делал Дмитрий Сергеевич. Думаю, моя задача сегодня — кратко коснуться некоторых вопросов и, может быть, произнести несколько провокационных тезисов, связанных с проблемой диалога культур.

По роду своей деятельности я как бы с двух сторон участвую в диалоге культур: с одной стороны, я востоковед-арабист, а с другой — руководитель такого универсального музея, как Эрмитаж, который является центром настоящего диалога культур. По сути, это главная задача подобных культурных учреждений.

О диалоге культур говорят много, у нас проходит много конференций, посвященных данной проблеме, и сам термин у всех на слуху. Казалось бы, уже достаточно... Но на самом деле нужно еще больше и больше говорить об этом, потому что диалог культур — очень важная часть нашей сегодняшней жизни и некая возможность компенсации многих худых вещей, происходящих в ней. Так, например, главная проблема современности — глобализация во многих своих аспектах (политических, экономических, культурных и др.) — связана с неумением наладить диалог культур.

Это то, что весь мир проклинает. Изменить и компенсировать тот вред, который наносит глобализация (она, конечно, его на-

носит), мог бы правильно построенный диалог культур, потому что таким образом защищаются особенности культур и появляется возможность уравнивания, гармонизации.

Думаю, что диалог этот уже прошел несколько разных стадий, причем параллельно диалогу культур идет диалог религий, и обнаруживается очень много схожих особенностей. Прошел этап, когда казалось, что все легко — есть некий набор общих ценностей, который мы все разделяем, и нужно лишь пообщаться, чтобы договориться, и тогда мы будем думать и говорить примерно одно и то же, и всем будет хорошо... Но так не будет никогда.

Сегодняшний диалог в разных своих формах строится на четком понимании, что есть вещи, которые разные культуры никогда не согласятся воспринять, а есть вещи, которые можно принимать или соглашаться с ними, или хотя бы терпеть, потому что всем нужно жить вместе, мирно.

Параллельно в разных сферах — и в культурной, и в религиозной, и в других — идет процесс воспитания людей: культурно-религиозные институты во многом сейчас выполняют одну и ту же цель воспитания народов и заложения общих основ для будущих поколений. Становится понятно, что от догматов никуда отходить нельзя, но нужно четко и ясно говорить о том, в чем мы различны. Думаю, что достигнутое недавно по очень принципиальным позициям соглашение между Русской православной церковью и Русской православной церковью за рубежом — при-

мер несомненного успеха в таком религиозном диалоге.

Глобализм имеет целый ряд символов или примет, наиболее известный и самый яркий, наверное, — это «Макдоналдс». Поэтому так называемые антиглобалисты разрушают и даже взрывают эти кафе быстрого питания по всему миру. Еще один хорошо знакомый символ глобализма — суши-бары, которые также возникают по всему миру. Это также ответ-вторжение другой цивилизации, противопоставляющей свою культуру остальным, и прежде всего западной. Однако ни у кого не вызывает никаких возражений и протестов подобное распространение восточной культуры и образа жизни. Интересно, почему? Есть разные ответы на эти вопросы, и было бы интересно поговорить об этом.

Мне кажется, сейчас пришло то время, когда необходимо говорить о диалогах культур применительно, в первую очередь, к России. Потому что есть сложившаяся российская традиция, российский рецепт мирного сосуществования различных культур в одной многонациональной стране, который может быть полезен всему миру.

Культурный диалог — это прежде всего сохранение культурного наследия, и русская традиция может подсказать, на чем должно строиться единство и разнообразие стран мира и что должно быть стимулом для развития поколений.

Известно, что протестантская этика — основа развития капитализма, который без нее нигде не развивается, а поскольку ее нет в большей части света, то и, так сказать, неудачи капиталистического развития там очевидны. Думаю, что вместо протестантской этики таким стимулом развития может служить, во всяком случае в России, наше культурное наследие, которое вполне способно стать основой воспитания людей с помощью культуры и некоторого улучшения нашего общества.

Даже враждебный культурный диалог может быть полезен. Коснемся, например, близкой мне и многим здесь присутствующим темы так называемого исламского фактора. Не секрет, что это весьма болезненная для нас тема, однако насколько теперь мир стал больше знать об исламе в результате все этих ужасов и разговоров об исламской угрозе...

Совсем недавно, еще до того как он был выбран президентом, Николя Саркози упрекали в том, что он в каком-то интервью запутался и не мог ответить на вопрос, является

ли Аль-Каида суннитской или шиитской организацией. Ну, зато теперь уже все знают, что есть такие сунниты и шииты. Правда, не все знают, что никакой Аль-Каиды нет, но это уже другой разговор.

Кроме того, необычайно важны качественные, адекватные переводы важных культурных терминов, разделяющих цивилизации. Так, всем известен знаменитый термин «джихад» в его, так сказать, военном варианте, но его общекультурный смысл остался неизвестным большинству европейцев. Поэтому сегодня слово «джихад» ассоциируется лишь с «крестовым походом» за веру, а не в его самом широком употреблении — как борьба за доброе дело ради своих идеалов. Если сопоставить данные определения, то становится ясно, что и при различиях разным культурам есть о чем говорить.

Я постоянно пытаюсь проповедовать, хотя многие с этим не согласятся, что слово «ислам» нужно переводить словом «смирение», и с этой позиции, даже при большой разнице христианства и ислама, в них можно найти схожие вещи.

Русский рецепт подобных сложных взаимоотношений, мне кажется, достаточно хорошо проявился именно на мусульманско-православных отношениях в России. Тут можно много говорить и о периоде существования Золотой Орды, когда рядом с этой великой тогда державой существовали мелкие, обособленные русские княжества, которые в военном и невоенном общении с ней выросли в огромное, единое русское государство, в которое потом влилась и сама Золотая Орда.

В Российской империи есть разные примеры культурно-религиозных взаимоотношений. Когда отмечалось тысячелетие Казани, наш Санкт-Петербург хотел подарить этому городу памятник Петру I, а наши казанские друзья сказали: «Знаете, нам памятник Петру I не хочется. Вот Екатерине — да! А Петра I мы не хотим, потому что он заставлял людей обращаться в православие».

Надо сказать, мы тогда очень обиделись и, открывая филиал Эрмитажа в Казани, памятник Петру I как основателю нашего города там все же поставили. Но если внимательно посмотреть документы Петровской эпохи и сравнить их с теми, которые описывают то, происходило при Екатерине, то действительно можно заметить большую разницу. Так, при Петре запрещали строить мечети, заставляли принимать христианство помещиков-мусульман, у которых к тому же были крепостными христиане, православные.

При Екатерине же возникла та система управления, которая просуществовала почти до сегодняшнего дня: целая система разных юридических актов, которые позволяли сосуществовать — хотя и не идеально, но довольно сносно — в рамках единой культуры в России разным конфессиям, в данном случае — исламу и христианству.

Есть еще один очень, мне кажется, важный пример, который мы не должны забывать, — это наше отечественное востоковедение. В России почти всегда было как бы три категории людей, занимающихся восточными исследованиями. Одни из них были практики, которые занимались своей научной деятельностью исходя из интересов Министерства иностранных дел и драгоманства, если говорить языком XIX века. Было в России и востоковедное миссионерство. Так, в Казани существовала целая школа таких миссионеров, где издавалось большое количество книг, посвященных анализу ислама. Подчеркнуто пропагандистские, они в значительной мере были направлены против ислама. Надо сказать, что в целом это были интересные книги. Только что вышел целый том разных подборок таких исследований — «Ислам в трудах русских богословов», хотя на самом деле это работы в большей степени не богословов, а пропагандистов.

И третья часть — это академическое востоковедение. Это наши замечательные петербургские востоковеды и академики, которые не жалели сил на то, чтобы рецензиями откликаться на все слишком пропагандистские и научно необоснованные материалы об исламе; они же, впрочем, порой писали работы, направленные против ислама, причем в очень резкой форме, которая казалась удивительной для таких людей, как Бартольд, Розен и Крачковский. Все это — тоже очень важная традиция, которую мы не забываем: у нас по-прежнему существуют три сферы развития востоковедения.

Еще один важный вопрос, связанный с диалогом культур, — это все расширяющееся преподавание религиозных предметов в школе. Об этом до сих пор ведется много разных споров. Я помню, несколько лет назад Католикос всех армян, когда он был в Петербурге, рассказал с радостью, что в армянских школах ввели новый предмет. Именно — историю.

Так вот мне кажется, что большая половина споров на эту тему — из-за терминов, но не о том, надо ли преподавать историю. Можно все преподавать, введя в название предмета слово «история», которое снимает

много разногласий. Это хороший пример компромисса в диалоге культур.

Например, православному ребенку не обязательно знать основы шариата, а ребенку из мусульманской или атеистической семьи не нужно, наверное, знать основы православия. Но и тем, и другим обязательно нужно изучать основные вехи исторического, и в том числе религиозного, развития разных народов. Так, каждый должен знать, что такое Халкидонский или Стоглавый соборы, кто такой Мухаммед и Иисус Христос и т. д. Есть целый ряд важнейших событий в истории всех религий, которые мы должны знать, если живем в стране, где эти религии существуют. Думаю, что такой взгляд на проблему был бы очень полезен.

Наверное, главный критик ислама сегодня — Папа Бенедикт XVI. Но недавно я прочитал замечательную статью в журнале «Нью-Йоркер», где при разборе его выступлений говорится, что на самом деле Папа Бенедикт хочет не с исламом бороться, а чтобы католичество имело такую же силу, как ислам, и было бы организовано так же. И действительно, весь пафос его жизни — это задача подчинения светского государства религиозным идеям и восстановление, по сути, средневекового института папства.

В этом смысле очень часто восточная культура с ее набором ценностей, где религия играет большую роль, подсознательно воспринимается многими на Западе идеалом того, что должно бы на самом деле быть, чтобы всем было хорошо.

Еще один важный аспект диалога культур — это то, как разные цивилизации смотрят друг на друга, какие эмоциональные мотивы при этом движут людьми. Есть два примера, два человека, олицетворяющих два взгляда — Запада на Восток и Востока на Запад. У нас — это некая система разбитых и кривых зеркал, в которых кто-то кого-то как-то видит. Но есть две знаковые в этом смысле фигуры нашего времени, написавшие книги по данной проблеме. Одна из них — Ариана Фаллачи, знаменитая журналистка, когда-то левого толка, которая перед своей смертью издала три грозные книги против арабов и ислама, рассказывающие о том, как Европа превращается в Еврабию, какой это ужас и как с этим надо бороться, причем с оружием в руках. Противоположна ей не менее знаменитая и очень интеллигентная книга «Востоковедение» Эдварда Саида — палестинца, который критически изучал востоковедение; в ней изложены взгляды Запада на Восток, которые автор критикует за

то, что они очень искажены, неправильны и т. п. Однако и в той, и в другой позиции существует указание на страх. Так, Эдвард Саид, объясняя, почему все востоковеды Запада искажают суть культуры Востока, говорит: «А потому, что они очень боятся — все время боялись и боятся того, что мусульманский Восток придет в Европу. Из этого страха рождается противодействие». Практически та же мысль присутствует и у Арианы Фаллачи.

На самом деле совершенно ясно, хотя разъяснить, наверное, все-таки надо, что никаких серьезных оснований для страхов нет. То есть они ничуть не больше, чем были, когда турки подходили к Вене. Надо с этими ложными страхами что-то делать, ибо все идеологии и споры должны строиться не на страхе, а на истине. Бояться нечего — Бог разберется, кто победит в драках, а человеческие отношения должны основываться на чем угодно, только не на страхе.

И еще одно важно: диалог культур не должен основываться на провокациях и на раздувании подобных страхов. В какой-то мере это можно назвать грехом интеллиген-

ции, которая немного способна сделать в мире, но вполне в силах подобными «подливаниями масла в огонь» превращать небольшие конфликты в глобальные, как это много раз уже случилось в нашей истории.

Нам всем надо научиться жить без страха и провокаций и для этого создать систему диалога культур, которая поможет людям будущего жить дальше — вместе и мирно.

Я очень надеюсь, что наши непрекращающиеся разговоры и попытки рассматривать, чем отличаются и чем сродни друг другу разные культуры, — очень полезное дело, работающее на будущие поколения. Восточная поговорка «Сколько ни говори “халва”, во рту слаще не станет», на мой взгляд, неправильна. Я убежден, что применительно к диалогу культур и цивилизаций, если много и долго говорить «халва», то «во рту мира» когда-нибудь да станет сладко. Таким образом, только от нас самих в значительной мере зависит, станет ли наша жизнь сладкой или горькой в мире, где существуют разные культуры, претендующие на избранность или, как минимум, на превосходство.